

Глава 1

Оукли

Мне надо в душ. Срочно. Пока я не вырубился от переутомления и обезвоживания и меня не пришлось тащить в раздевалку.

Но сейчас это не главное мое желание.

Вместо того чтобы избавиться от вони, поднимающейся из-под моей экипировки, как следовало бы, я задерживаюсь, чтобы сделать еще один круг по льду. Круг почета, если угодно.

Для большинства моих товарищей по команде сегодня просто окончание очередного победного сезона. Для меня — последний раз на этой площадке не только в качестве игрока, но и в качестве капитана местной команды «Пентиктон Сторм». Мне можно немного поностальгировать. Последние три года эта арена была моим вторым домом.

Привычный холод льда покусывает кожу под свитером, пока я, как побитый щенок, осматриваю пустой каток. Эта старая, допотопная арена помогла мне вернуть страсть к хоккею, когда меньше всего хотелось надевать коньки.

Здесь я каждую игру смотрел, как мама и сестра кричат во все горло, по-дурацки жестикулируя руками.

И здесь я понял, что могу быть лидером — реальной силой, с которой стоит считаться.

Прерывисто дыша, я медленно качусь вдоль бортов, оставляя за собой пушистые снежные борозды. Здесь спокойно. Непривычно тихо по сравнению с орущими толпами во время игры или колоритными речами тренера после проигрыша.

Ханна Куэн

К тому времени как я выползаю со льда в коридор, ведущий в раздевалку, в груди тесно от нервов и чувства потери, с которым я, к сожалению, уже знаком.

Дверь раздевалки резко открывается, и я чуть не врезаюсь лбом в своего лучшего друга.

Ходячая кирпичная стена, также известная как Андре Спеца, расплывается в улыбке и хлопает меня по плечу.

— Я уже начал думать, что придется вытаскивать тебя со льда.

— Еще немного, и пришлось бы.

Андре поудобнее перехватывает свою хоккейную сумку, но потом просто отбрасывает ее в сторону и идет следом за мной к моему шкафчику. Я выгибаю бровь, но ничего не говорю и, рухнув на лавку, принимаюсь расшнуровывать коньки.

— Что? Я тебя подожду. Надо урвать как можно больше твоего суперзвездного общества.

— Ты так говоришь, будто мы больше никогда не увидимся. Мы не перестанем общаться.

Несмотря на попытки шутить, в его золотисто-карих глазах отчетливо читается боль. Больно не только ему.

— Вы справитесь. Со мной или без меня.

Он натужно смеется:

— Тебе идет скромность.

— Впитывай, большой парень. Может, научишься чему-то.

На этот раз он смеется по-настоящему.

— Не-а. Скромность — не мое.

— Тогда придется себя заставить, если хочешь занять мое место в следующем сезоне.

Он округляет глаза:

— Ни за что.

— Я почти убедил тренера. — Я пожимаю плечами. — Команде будет нужен новый капитан, а ты единственный, кому я доверяю.

Счастливы́й удар

Если он сумеет удержать член в штанах достаточно долго, чтобы по-настоящему сосредоточиться на чем-то кроме секса.

Андре скованно садится рядом.

— Я просил тебя этого не делать. Единственное, что у меня хорошо выходит, это махать кулаками и орать на защиту, чтобы сосредоточились. Я не могу вести целую команду.

— Просто подумай об этом. И все.

— Ага, ладно. Я подумаю. Но без обещаний.

— Без обещаний, — киваю я.

В тяжелом молчании я заканчиваю расшнуровывать коньки и, достав из шкафчика сумку, складываю их туда. Снимаю свитер и прочую экипировку, убираю все в сумку и надеваю футболку и спортивные штаны.

Когда я закидываю сумку на плечо, Андре, сведя брови, печатает на телефоне.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Он вскидывает голову.

— Ага. Всего лишь последние приготовления к вечеринке. Вечер пятницы, помнишь? Если ты кинешь меня на собственной прощальной вечеринке, я тебя никогда не прощу.

Я душу стон.

— Я приду.

Даже если вечеринка — это последнее, чего мне хочется в свой последний вечер в городе.

— Мне бы и в голову не пришло пропустить вечеринку. Ты же знаешь, как я люблю их.

— Твой сарказм неуместен, — ворчит он.

Я смеюсь.

— Просто попытайся свести приглашения к минимуму. Я не в настроении веселиться.

Видя его хитрый взгляд, я едва сдерживаю недвольную гримасу. Если бы я не знал, что Андре просто хочет, чтобы я хорошо провел время перед отъездом, то попросил бы его все отменить. Но если все

Ханна Куэн

будут счастливы выпить за меня, я возьму себя в руки и притащу свою задницу на домашнюю вечеринку на пару часов.

Он встает и потирает руки.

— Ли, нет ничего, что не исправил бы сет железных шотов. Но даю слово, что ограничу приглашения. А теперь разреши проводить тебя отсюда в последний раз. Не хотелось бы, чтобы ты заблудился.

— Это вряд ли. Ты просто не хочешь прощаться, — дразню я, вставая и толкая его плечо своим.

— Чертовски верно.

Он качает головой и, забрав свою сумку из угла, выходит следом за мной.

Прожекторы на катке уже погасили, и по коридорам разносится эхо наших шагов. Мы молча проходим мимо склада с инвентарем и стены с фотографиями команды, начиная с первой команды «Сторм» и заканчивая нашей в этом сезоне. На подходе к тренерской я сбиваюсь с шага, и Андре хлопает меня по спине.

— Хочешь поговорить с тренером?

Я громко выдыхаю и сомневаюсь, заходить ли. Решение должно быть легким. Мне следует войти и попрощаться. Но все не так просто. Я должен этому человеку гораздо больше, чем просто «до свидания».

— О чем это вы там болтаете? Спеца, лучше тебе не говорить, что ты тоже уходишь!

Мы с Андре резко поворачиваемся друг к другу, вытаращив глаза, а по коридору разносится грубый смех тренера. Я сглатываю и выпрямляю спину.

— Иди домой, Дре. Мне надо это сделать. В пятницу вечером. Я приду.

Он кивает, и мы крепко обнимаемся. Через минуту я хлопаю его по спине, и мы отпускаем друг друга.

— Напиши мне потом. Увидимся в пятницу.

С этими словами он уходит, оставляя меня одного.

Мне требуется четыре шага, чтобы дойти до кабинета тренера. Баннер Ярас сидит за массивным сто-

Счастливы́й удар

лом из красного дерева, в одной руке у него — независимо от времени суток — большая кружка кофе, а другой он чешет разросшуюся бороду с проседью. Заметив меня в дверях, он широко улыбается.

— Привет, тренер.

Он показывает мне на серый диванчик у стены напротив и расслабленно откидывается на спинку кресла.

— Я уже начал беспокоиться, что ты улизнешь, не попрощавшись.

Я падаю на диван, переплетаю пальцы за головой и вытягиваю ноги.

— Я думал об этом. Просто сказать «до свидания» кажется не совсем подходящим. После всего, что вы сделали для меня и моей семьи.

— Ты все сделал сам, парень. Я только зажег под твоей задницей костер, который вытащил тебя из болота.

— Это было больше, чем болото, и вы это знаете. Но спасибо. Вы не представляете, как много это значит для нас. Особенно для мамы. Я в долгу перед вами.

Он отмахивается.

— Ты можешь отблагодарить меня, надирая задницы в Ванкувере. Им не помешает помощь.

— Только не вы. Пожалуйста, не начинайте «зачем ты так поступаешь». Мама уже достаточно задвинула мне на эту тему.

Никому не нравится мое решение присоединиться к «Ванкувер Сэйнтс» вместо «Онтарио Ребелс», как ожидалось. Они не понимают, с чего мне отказываться от предложения играть за более успешную команду Западной хоккейной лиги*, да и не надо. Онтарио слишком далеко от моих мамы и сестры, вот и все. Тут нечего обсуждать.

* Одна из трёх основных юниорских хоккейных лиг, которые образуют Канадскую хоккейную лигу (*Прим. пер.*).

Ханна Коуэн

Ванкувер станет моим домом до момента драфта в НХЛ. Было бы проще, если бы все просто приняли мое решение, а не уговаривали передумать.

— Твоя мама хочет, чтобы ты получил наилучший из возможных шансов. Она считает, что это не «Сэйнтс».

Я прищуриваюсь:

— Она или вы?

Тренер прямо встречает мой взгляд. Он больше всех напоминает мне отца, и я знаю, что тренер хочет лучшего для меня, но от этого его откровения ранят еще сильнее.

Он напряженно выдыхает.

— Тебе недавно исполнилось девятнадцать. Этот год решающий. Ты хотел подождать с драфтом, пока не будешь уверен, что твоя мама справится, и я всегда поддерживал твое решение. Но это в прошлом. Команды в курсе, что в настоящий момент ты открыт для драфта, и я боюсь, что с этой командой ты упустишь свой шанс в НХЛ из-за того, что не хочешь оставлять семью.

Внутренности скручивает узлом.

— Вы не сказали мне ничего нового. Но я не передумаю. Мне нужна ваша поддержка, Баннер. — Я зрываюсь пальцами в волосы. — Пожалуйста.

Он сжимает губы, разрывааемый противоречиями. Этот мужчина орал на меня на тренировках из-за неправильного положения ног, и он же приносил к нам домой еду, уложенную его женой в контейнеры из фольги, в те дни, когда маме приходилось работать допоздна. Конечно, свою роль играло то, что его жена дружит с моей мамой, но они не обязаны были делать и половины того, что сделали для моей семьи за эти годы.

Разочаровать Баннера почти так же неприятно, как разочаровать маму.

Через несколько долгих секунд он уступает.

— Я всегда буду поддерживать тебя, Оукли. Всегда.

Гора сваливается с моих плеч. И внезапно я снова могу дышать.

Счастливый удар

* * *

Солнце почти садится, когда я паркую папин обшарпанный белый «Форд» перед нашим маленьким двухэтажным домом.

Дом моего детства ни разу не шикарный, но это дом. По центру располагаются маленькое крыльцо с потертыми деревянными ступеньками и ярко-красная дверь, которую мама с папой покрасили вскоре после покупки. Она уже потрескалась и облупилась, но мама отказывается ее перекрашивать.

Справа эркерное окно гостиной, а под ним деревянный ящик с желтыми маргаритками.

Откинув голову, я смотрю на потоки воды, падающие с серого, обложенного тучами неба, и рычу. Дождь льет с тех пор, как я вышел с катка, что не так уж и удивительно. Апрель в Британской Колумбии один сплошной дождь.

Я хватаю с пассажирского сиденья свою хоккейную сумку, забрасываю ее на плечо и бегу в дом.

— Ма, я дома!

Сбрасываю обувь и поднимаюсь наверх, чтобы отнести сумку в свою комнату до того, как мама почувствует запах.

Избавившись от сумки, я захлопываю дверь и плюхаюсь на кровать, попадая прямо в продавленную моим телом выемку в матрасе. С моим ростом почти невозможно поместиться на кровати с ногами, поэтому они комично свисают с края.

На стук в дверь я поднимаю глаза. Мама опирается на дверной косяк, сложив руки на груди и подняв уголки губ.

— Привет, милый. Как прошел твой день?

Мама выглядит крайне молодо для **своего** возраста. Может быть, из-за того, что ее короткие светлые волосы всегда уложены, или из-за того, что за прошедшие годы ее прозрачно-голубые глаза не утратили своего блеска.

Я больше похож на папу. Русые волосы, закрывающие шею, хвойно-зеленые глаза и длинные ноги.

Ханна Коуэн

— Хорошо. Тяжело прощаться, но я справлюсь.

— Я бы беспокоилась, если бы ты не грустил хоть чуть-чуть, милый. Прощаться всегда нелегко. — В ее глазах блестят слезы, но она смаргивает их. — Но надо разрешить себе и радоваться. Ты так близко к своей мечте.

Она садится на край кровати и улыбается мне своей знаменитой улыбкой, ее голубые глаза светятся.

— Я так горжусь тобой. Знаю, что отец тоже гордился бы.

Мама умеет поднимать людям настроение своей улыбкой. Папа всегда называл это ее суперсилой. До аварии я не понимал, как улыбка может быть чьей-то суперсилой.

Ее улыбка была одной из немногих вещей, которые помогли мне продержаться. Так что, на мой взгляд, улыбка делает из мамы супергероя.

Я сажусь, чтобы видеть ее как следует.

— Я рад. А ты? Ты будешь в порядке? Я постараюсь приезжать домой как можно чаще.

В моих словах отчетливо слышится обещание, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы сдержать его. Новый график будет сумасшедшим, но для семьи я готов на все. Даже проводить за рулем по четыре часа в каждую сторону, просто чтобы увидеть эту улыбку на мамином лице.

Она цокает языком и качает головой:

— Тебе надо прекращать переживать за нас с сестрой. Ты посидеешь еще до того, как тебе исполнится двадцать. У нас все будет хорошо. Обещаю.

Я хмурюсь.

— В мое отсутствие Грейси тебя достанет. Ты видела развалюху, которая в последнее время возит ее в школу и домой? Выглядит так, словно может загореться, если одновременно включить кондиционер и радио.

Мама лишь смеется.

— Все не так плохо.

— Не так плохо? Мам, там выхлопная труба черная.

Счастливы́й удар

Она прикрывает губы ладонью, и в уголках глаз появляются морщинки.

— Да, полагаю, это может стать проблемой. Может, тебе стоит поговорить с ней об этом?

Я фыркаю.

— Конечно. Она не станет меня слушать. Это пацанская тачка. Ты видела тонировку на передних стеклах? Она просто кричит о проблемных подростках. Она встречается с тем парнем? Ты же этого не допустишь, правда? Ни за что на свете моя маленькая сестренка не будет встречаться с парнем, который не в состоянии позаботиться даже о собственной машине. На самом деле она вообще ни с кем не будет встречаться. Точка.

— Оукли, расслабься, милый. А то тебя удар хватит. Твоя сестра — подросток, которая всю жизнь жила под твоим крылышком. Дай ей вздохнуть, пока тебя нет. Обещаю, с ней все будет в порядке. Я, может, и небольшая, но, когда дело касается моих детей, меня не одолеть.

Мой гнев отчасти растворяется, и я киваю.

— Я попробую. Но ничего не обещаю. Мне хотелось бы получать ежедневные отчеты насчет этого парня и его... машины. Думаю, ей небезопасно ездить в этой штуке.

Мама грустно улыбается и, положив руку на мое предплечье, сжимает его.

— Хорошо. Я разберусь. Ты прав, ей не следует ездить в опасной машине.

Я накрываю ее ладонь своей, и мне не нравится, какая она холодная.

— Я люблю тебя, мам. Ты же знаешь, да?

— Знаю. В холодильнике остались бургеры, если ты голодный. А теперь отдыхай. Спокойной ночи, люблю тебя.

Она в последний раз сжимает мою руку, после чего встает и идет к двери.

— Спокойной ночи, мам, — бормочу я вслед.